

ГОРИЗОНТ-7

Даниил Шамраев

Даниил Шамраев

Горизонт-7

<https://litres.ru/73461007>

SelfPub; 2026

Аннотация

Экспедиция «Горизонт-7» — триумф земной космонавтики, отправленный к спутникам Юпитера для рутинной добычи льда. Впереди — долгие месяцы полета в ледяной пустоте. Сорок членов экипажа, идеальная дисциплина и всевидящий бортовой искусственный интеллект, контролирующий каждый вдох. Казалось бы что может пойти не так?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Даниил Шамраев

Горизонт-7

Пролог

В баре всегда пахнет одинаково: дешёвыми настойками, пережаренными чесночными гренками и чужими оправданиями. Было слышно как сферические приводы барных роботов совершают по 100 оборотов в минуту обслуживая гостей этого богом забытого места. Виктор смотрел на стакан так, будто тот тоже уже был частью его тела.

Как же неумолима статистика: каждый тысячный умрёт в космосе. Или каждый десятый – а вообще бог его знает. Отмахнулся он. Через двадцать лет космические полеты будут такие же лёгкие, как поездка в соседний город. Мы научились удерживать термоядерные реакции, построили семь научно-экспедиционных кораблей – а алкоголизм так и не победили. Забавно.

Виктор посмотрел сквозь стакан и пустым взглядом сказал:

– Слушай, Дим... Я всё понимаю. Давай отложим твою “миссию” и хоть по-людски выпьем, посидим, поговорим наконец по душам. Мы же с тобой... сколько? Лет двадцать не виделись?

– Двадцать пять, – коротко сказал Дмитрий Климов и улыбнулся.

Форма сидела на нём с той раздражающей безупречностью, которая не вяжется с пьянкой бывших друзей. Ясно, что он здесь не просто “поговорить”. Скорее всего он здесь ради той самой экспедиции. О ней уже полгода орут из каждого утюга. Хм... судя по погонам уже Капитан первого ранга, забавно.

– Я не бухать с тобой пришёл, Витя. Времени нет, так что слушай внимательно. Все эти сказки для прессы про добычу льда на Европе – чушь. Два года назад низкоорбитальные зонды засекли в гейзерах то, чего там быть не может.

Климов подался вперёд, понизив голос:

– Пока ты не примешь моё предложение, я не могу сказать тебе, что именно там нашли. Я предлагаю тебе не просто работу, а шанс войти в историю. Сделать хоть что-то стоящее, пока ты окончательно не утонул в этом... – он брезгливо кивнул на стакан. – В этом своём «поиске себя».

Виктор усмехнулся и демонстративно допил то, что осталось в стакане. Жидкость обожгла горло, но он даже виду не подал.

– Войти в историю... – протянул он, со стуком ставя стекло на стол. – Дим, история – это для учебников. А в реальности это означает сдохнуть в пяти астрономических единицах от Земли, пока адмиралы будут распиливать очередные бюджеты. Найди себе кого-нибудь помоложе. Того, кто ещё

верит в романтику.

Витя потянулся в карман своей засаленной куртки и достал от туда смятую пачку дешевых сигарет. Он начал медленно вертеть её в пальцах и разглядывать.

– Романтика здесь ни при чём, Витя. – Климов встал, бросив на стол пластиковую ключ-карту с личным номер и надписью << Уровень допуска 2 >>. – Вылет послезавтра в 06:00. Это пропуск на закрытый терминал. Не придёшь – я пойму.

Он развернулся и пошёл к выходу, не оглядываясь. Форма сидела на нём идеально ровно, даже спина выражала уверенность, которой у Виктора не было уже четверть века.

На столе остался пустой стакан, смятая пачка сигарет и белый пластик пропуска. Билет в один конец.

Глава 1

Долгие месяцы полёта – это всегда ад. Не из-за перегрузок, нет. Из-за запаха.

Новый корабль пахнет пластиком, клеем и такой... стерильностью... как в операционной.

Этот запах въедается в ноздри, оседает на языке привкусом больницы. Виктор ненавидел его. Старые корабли пахли честно: потом, перегретым металлом, смазкой. А этот, пах как новенький гроб из поликарбоната.

– Только запаха спирта не хватает, – ухмыльнулся про себя Виктор.

Виктор висел вниз головой относительно палубы в узком техническом лазе третьего уровня. Здесь, в невесомости, дрожь в руках мешала меньше. Он прижал стетоскоп к коже воздушного регенератора.

– Давай, родная, – прошептал он. – Скажи мне, где у тебя болит.

В наушниках ровно гудело. Ритм был почти идеальным. Почти. На пятьдесят третьем такте слышался едва заметный сбой – будто помпа на долю секунды захлебывалась, прежде чем снова набрать обороты.

– Ишь ты, – хмыкнул Виктор. – Третий клапан залипает. А в отчётах у тебя всё зелёное, да?

Он резко оттолкнулся от стенки, перевернулся в воздухе

и гаркнул в потолок:

– ИСКРА!

Мягкий женский альт ответил мгновенно, без задержки, словно она стояла у него за плечом:

– Идентификация: Виктор Стельмахов, главный инженер. Уровень допуска: второй. Слушаю.

– Полный отчет по третьему контуру регенерации! – Виктор выплюнул это со злостью. – И прогони диагностику трижды. Я знаю, что ты что-то упустила.

– Принято. Запускаю глубокое сканирование контура триальфа... – голос ИИ оставался раздражающе спокойным. – Проверка завершена. Статус систем: номинальный. Давление в норме, вибрация в пределах допуска. Отклонений не выявлено.

Виктор ударил кулаком по обшивке.

– “В пределах допуска”... У тебя помпа захлебывается каждые сорок секунд! Ты глухая?

– Мои акустические сенсоры фиксируют микровибрацию в пределах 0.04 герца. Это не является критическим показателем согласно протоколу №402. Ремонт не требуется.

– Протоколу... – передразнил Виктор, доставая свой планшет и подключая его напрямую к сервисному порту. – Сейчас я тебе покажу протокол. Смотри сюда, железка.

На экране побежали сырые данные – кривая дергалась.

– Видишь? – он ткнул пальцем в экран, хотя ИСКРА видела через порт. – Это кавитация. Пузырьки воздуха грызут

крыльчатку. Еще неделя – и у нас минус один регенератор. А ты говоришь норма.

Пауза затянулась на секунду дольше обычного.

– Фиксирую аномалию в серийных данных с датчиков, – наконец признала ИСКРА, но уже холоднее. – Данные внесены в журнал технического обслуживания. Рекомендую плановую замену узла через 48 часов.

– Ну вот, – выдохнул Виктор, вытирая пот со лба. – Можешь же, когда захочешь.

Он только собрался отцепить кабель, как за спиной раздался восторженный голос:

– Виктор Сергеевич! Вы тут? Там такое показывают!

В люк просунулась кудрявая голова Макса, второго пилота.

– Я вас везде ищу!

Виктор поморщился, отцепляя разъём.

– Нет, я в отпуске на Бали. Что тебе, Максимка? Небось опять Макар какую-то дрянь в оранжерее вырастил и вы боитесь её трогать?

Макс даже не улыбнулся. Он висел в проёме люка, вцепившись в поручень так, что костяшки пальцев побелели.

– Там гравиметры... они какую-то чушь показывают, Виктор Сергеевич. Елена Петровна сказала вас позвать. Срочно.

Голос у парня дрогнул на слове «чушь». Виктор сразу напрягся.

– «Чушь» – это ваши протоколы, – проворчал он, оттал-

киваясь от стены и плывя к выходу. – А гравиметр либо работает, либо мы уже трупы.

Он пролетел мимо Макса, специально задев его плечом, чтобы тот посторонился.

– Ну, веди, Сусанин.

Рубка встретила его тишиной, какая бывает только в реанимации перед отключением аппаратов. Елена Соколова стояла у центральной консоли, скрестив руки на груди. Идеальная осанка, идеальная форма, идеальное непонимание происходящего.

– Явился, – бросила она, не оборачиваясь. – Стельмахов, объясни мне, почему навигационный контур считает, что мы находимся в двух точках одновременно?

Виктор подплыл к экрану, игнорируя её тон. На мониторе плясала кривая метрики.

– Потому что навигационный контур не пьёт, в отличие от инженеров, – буркнул он, вглядываясь в цифры. – ИСКРА, масштаб на десять порядков выше.

График дернулся и превратился в “расческу” – серию мелких, частых пиков.

– Это шум, – отрезала Елена. – Мы уже проводили калибровку. Дважды.

– Конечно, шум. – Виктор ткнул пальцем в один из пиков. – Вот этот “шум” имеет амплитуду гравитационной волны от слияния черных дыр. Только очень маленьких.

– Не говори ерунды. Мы в пустом пространстве. До Юпи-

тера еще неделя. Откуда здесь гравитационные волны?

– А я откуда знаю? Может, кто-то забыл выключить уют на орбите Сатурна? – Виктор развернулся к ней. – Лена, это не приборы. Корпус “поёт”. Я слышал это в трюме. Вибрация идет по килю.

Соколова поджала губы. Для неё слово “слышал” не было аргументом.

– “Слышал”... Виктор, мне нужен технический отчет, а не твои фантазии. ИСКРА утверждает, что система исправна. Кому я должна верить: нейросети пятого поколения или человеку, который...

– ... Который знает, как звучит металл перед тем, как лопнуть? – перебил Виктор, понизив голос. Он подплыл к ней почти вплотную, нарушая личное пространство. – Послушай меня внимательно, товарищ старший экспедиции. Это не сбой. Пространство вокруг нас дрожит. И если мы не сбросим скорость, нас размажет тонким слоем по этой пустоте.

– Торможение сорвет график миссии на три недели, – холодно парировала она. – Москва не утвердит.

– Да плевать мне на Москву! – рявкнул Виктор. – Ты командир или тряпка половая?! Мы во что-то встряли, ИСКРА молчит, потому что у неё нет инструкций на “невозможную хрень”. А у меня есть. Они называются “тормози, дура, пока не развалились”.

Елена смотрела на него секунду, две. В её глазах боролись

скептицизм и страх.

– ИСКРА, – сказала она ледяным тоном. – Подготовь расчет экстренного торможения. Только расчет. Решение я приму после... дополнительных данных.

Виктор выдохнул. Первый раунд за ним.

Для Елены просторная рубка вдруг стала тесной, как одиночная камера. Стены, казалось, сделали шаг навстречу. Она незаметно ухватилась за край консоли, чтобы мир перестал качаться.

– ИСКРА, продолжай сбор данных. При любых изменениях – доклад мне лично. Приоритет ноль.

Она не узнала свой голос. Он звучал глухо, будто через вату. Елена отвернулась от экрана, стараясь держать спину прямой, и пошла к выходу. Ей нужно было в каюту. Срочно. До того как экипаж увидит, что у нее дрожат руки.

В коридоре вибрация ощущалась иначе. Это была не штатная дрожь от маршевых двигателей. Корабль шёл на средней тяге, но пол под ногами зудел. Мелко, противно. А запах был как в подлодке: системы жизнеобеспечения бесконечно гоняли по циклу воздух, смешивая его с моноэтаноломином.

Кабюта Елены была рядом с мостиком, так что далеко ей идти не пришлось. Когда она подошла, едва сканеры считали сетчатку, дверь моментально открылась. Это был скорее пятизвездочный отель, чем каюта; в ней было все: большая и удобная кровать, узел личной связи, персональная медкапсу-

ла, тренажерный зал и даже небольшая баня. Но самым прекрасным было большое панорамное окно, в котором была видна бескрайняя пустота холодного космоса, и она была такой... завораживающей. Звезды медленно плыли перед глазами благодаря вращению огромного тора корабля. Холодный, равнодушный космос смотрел на неё тысячами немигающих глаз – вид, одновременно прекрасный и жуткий.

Глава 2

Непрерывный гул двигателя единственное, что было слышно на мостике, даже звуки терминалов слились с этим монотонным, сводящим с ума как старые люминесцентные лампы звуком.

Первый пилот сидел на посту уже больше двенадцати часов, голова медленно склонялась на правую руку, а глаза медленно закрывались. Андрей все поглядывал на часы, считая каждое движение секундной стрелки, лишь бы чем-нибудь себя занять. Скоро его должен подменить Максим и он все не мог этого дождаться.

Неожиданно заговорила ИСКРА – спокойным, ровным альтом: – Первый пилот, фиксирую: амплитуда возмущений по гравиметрам восстановилась до штатных значений. Источник возмущения не локализован. Событие классифицировано как внешнее воздействие. Рекомендация: подтвердите показания на панели и сохраните текущий курс до уточнения.

Дверь шлюза в мостик с мягким шипением разомкнулась, выпуская полоску более холодного света из коридора. – Андрей? – Елена вошла быстро, на ходу одергивая рукав кителя; ее лицо было бледным, но собранным. – ИСКРА вызвала меня. Что у вас?

Андрей выпрямился, моргнул, будто выныривая из сна, и

уже открыл рот, чтобы ответить. Странная вибрация исчезла так же внезапно, как и появилась.

– Судя по всему, мы пролетели зону этой... турбулентности. – Немного запинаясь проговорил Андрей.

Андрей хотел что-то ответить, но замолчал. Потому что ИСКРА продолжила – тоном чуть суше обычного:

– Дополнение. В ходе анализа зафиксированы остаточные микродеформации в килевом узле. Величина деформации: 0,7 микрона. Формально в пределах допустимых значений. Рекомендую включить в плановый техосмотр.

Елена нахмурилась. «Микродеформации». Корпус «Горизонта-7» строили из композитного сплава с памятью формы – он должен был амортизировать перегрузки и возвращаться к исходной геометрии практически мгновенно. Если остались следы... – Андрей, когда должна быть смена? Пилот бросил взгляд на часы. – Через двадцать минут. Максим уже должен подниматься. – Хорошо. Как только он придет – вниз, спать. Это приказ. – Она сделала паузу. – И найди Стельмахова. Мне нужно, чтобы он проверил килевой узел. Лично.

Андрей медленно выдохнул, откидываясь на спинку кресла. Впервые за эти бесконечные часы ему разрешили уйти, но облегчения не было. Только странное чувство, навязанное ему уставшим мозгом, будто пространство разговаривало – но никто не расслышал.

Когда Елена наконец отправилась в свою каюту, Андрей,

уже немного взбодрившись, решил дойти до кофемашины. Спать не хотелось – в голове зудела навязчивая тревога.

Отхлебнув пару глотков горячего латте, Андрей сел просматривать записи, касающиеся этого странного феномена.

– ИСКРА, открой карту нашего маршрута. Покажи точки, где началась и закончилась вибрация. – Принято. Вывожу на главную обзорную консоль, – как всегда, холодно проговорил бортовой ИИ.

Это был большой изогнутый экран, на котором красочно и во всех деталях были видны Земля, Марс и Юпитер со всеми своими спутниками. Линия маршрута, извиваясь, тянулась мимо орбит этих космических гигантов. Где-то после Марса короткий отрезок этой линии был выделен красным. Совсем небольшой на этой огромной карте, но его было отчетливо видно.

– Увеличь область на два порядка. Выведи облако, где мог находиться источник, – сказал он немного задумавшись.

– Принято, – отреагировал ИИ.

Карта на экране начала увеличиваться, пока красный отрезок не занял большую часть экрана. На огромной области космического пространства стал вырисовываться полупрозрачный тор из фиолетовых точек. Облако не было статичным – оно медленно вращалось и пульсировало, словно живой организм в глубоком сне. Мириады точек то собирались в плотные скопления, то рассеивались, создавая завораживающее и одновременно тревожное зрелище, окутывая собой

ту самую зону, где, согласно показаниям, произошла пространственная аномалия.

– Интересно, ИСКРА, что думаешь? – сказал Андрей таким голосом, будто его заморозили.

– Визуализация на экране представляет собой пространственную модель распределения вероятности источника аномального сигнала. Максимальная плотность вероятности (98.7%) локализована в центре данной области. Анализ характеристик сигнала продолжается. Дополнительная информация отсутствует. Мои директивы не включают обработку концепций, выходящих за рамки логического анализа данных, таких как “эмоции”, “догадки” и тому подобные человеческие качества, – впервые настолько ледяным голосом проговорила она.

Андрею показалось, что он никогда не слышал её настолько холодной. Голос был даже немного пренебрежительным.

“Горизонт-7” – научно-исследовательское судно, а не военный корабль, – подумал Андрей. – В базе данных его ИИ нет информации о военных учениях или разведке. Но сигнатуры были новыми, такого он раньше не видел. Да и технологии человечества до такого еще не скоро дойдут.

Кофе уже остыл, но мостик заполнился его приятным ароматом. Экран медленно перешел в спящий режим, и на его месте теперь был виден почти статичный первозданный космос, навевающий почти физическое ощущение одиночества. Андрей встал, поправил одежду, взял красный стаканчик и

направился к мусорному баку.

Дверь на мостик открылась и в комнату зашел свежий, недавно проснувшийся Макс.

– Доброе утро, Андрей Иванович. Или вечер? – бодро произнес он, потирая руки. – Как обстановка? Все тихо?

Андрей молча кивнул в сторону главного экрана, где все еще висел остаточный образ звездного неба.

– Тише некуда, – глухо ответил он. – Пост принял. Все данные по полету в бортовом журнале. Командир просила ознакомиться. Особенно с последним отчетом ИСКРЫ.

– О, и что там, – пережевывая свежий сэндвич, спросил Максим.

– Ну особо ничего нового, ИСКРА все еще в процессе анализа, но мы теперь хотя бы знаем какое место облетать стороной. Только вот мне не дает покоя одна мысль. Почему область-то такая маленькая?

Виктор Стельмахов даже не притронулся к обеду. Он сидел перед терминалом в своей каюте, когда вызов от Соколовой пришел на личный коммуникатор. Голос командира был ровным, почти безэмоциональным.

– Стельмахов. Жду в инженерном отсеке через пять минут. Полная выкладка.

Он не ответил, просто сбросил вызов. «Наконец-то», – пронеслось в голове.

В инженерном отсеке Елена уже ждала его у схемы корабля, подсвеченной на голографическом дисплее. Она не смот-

рела на Виктора, ее взгляд был прикован к проекции.

– Здесь, – она указала на секцию F-17, килевая балка. – ИСКРА зафиксировала остаточные деформации. Твоя задача – провести полную диагностику. Мне нужны факты, Виктор. Ни догадки, ни интуиция. Факты.

Виктор молча кивнул, подходя к панели и загружая данные на свой планшет. Он демонстративно проигнорировал голографическую схему и открыл старые, двухмерные чертежи – те, в которых он был уверен.

– Мне понадобится доступ к внешним сенсорам и ручное управление диагностическим дроном. И отключи к чертям собачьим все «рекомендации» ИСКРЫ на время моей работы. Я не хочу, чтобы железяка под рукой у меня мешала.

Елена на мгновение замерла, но затем коротко кивнула: – Добро.

Через полчаса Виктор уже был в громоздком техническом скафандре в переходном шлюзе. Он не стал выходить в открытый космос, решив сначала добраться до нужной секции по внутренним техническим коридорам – узким, тускло освещенным лабиринтам, опутавшим скелет корабля. Здесь не было искусственной гравитации, и он бесшумно плыл в невесомости, подтягиваясь по поручням. Этот мир металла, проводов и гудящих реле был ему роднее, чем такой комфортный и светлый мостик.

Добравшись до секции F-17, он активировал на шлеме мощный фонарь. Луч выхватил из темноты массивную бал-

ку. На первый взгляд – ничего. Идеально гладкая поверхность композитного сплава. Он подключил к обшивке анализатор. Цифры на его наручном дисплее забегали, но Виктор им не доверял. Он верил своим глазам и рукам.

Надев специальные тактильные перчатки, он провел рукой по холодному металлу. И замер. Под пальцами, едва ощутимо, проступила... рябь. Сплав не был гладким. Он пошел микроскопическими волнами, словно застывшая поверхность воды, в которую бросили камень. Но с такой идеальной, чуть ли не на атомном уровне точностью. Металл не восстановил своего исходного состояния, а это значило лишь что на него воздействовала сила колоссальной энергии.

– Так, так, так... – прошептал он сам себе. – А это уже интересно.

– Она маленькая, – повторил Андрей, глядя на фиолетовый тор, застывший на главном экране. – И какая-то... правильная. Слишком симметричная для природного явления.

Максим, допив свой кофе, подошел ближе. – Согласен. Похоже на искусственно сгенерированную зашифрованную передачу от какого-то устройства. Но какого? И почему ИСКРА классифицировала это как «пространственную аномалию»?

– Потому что она мыслит категориями, которые в нее заложили, – ответил Андрей. – Гравитационные искажения есть? Есть. Значит, аномалия. Давай попробуем зайти с другой стороны.

Максим оживился: – Есть идеи?

– Да. ИСКРА отфильтровала все, что не вписывалось в картину стандартной ряб. Она назвала это «фоновым шумом». Давай-ка посмотрим на это повнимательнее. Запустим анализ сырых данных с датчиков за тот период. Только выставим максимальную чувствительность на поиск электромагнитных и нейтринных сигнатур.

– ИСКРА будет возражать, – с сомнением сказал Максим.

– А мы ее не будем спрашивать.

Они начали быстро работать за терминалами. Как и предсказывал Максим, через секунду на мостике раздался бесстрастный голос ИИ: – Внимание. Запущен процесс анализа данных с параметрами, выходящими за рамки рекомендованных параметров. Вероятность получения значимой информации ниже 0.01%. Рекомендую прекратить операцию.

– Продолжаем, – бросил Андрей, не отрываясь от экрана.

Фиолетовый тор исчез. На экране на долю секунды повисла темнота, а затем начали проступать новые данные. Это была не красивая 3D-модель, а хаотичное нагромождение графиков и осциллограмм. Большинство из них показывали ровные линии – тот самый «шум». Но один график, отмеченный как «подпространственный ЭМ-сигнал», привлек их внимание.

Он тоже был почти ровным, но не совсем. По всей его длине, через абсолютно равные промежутки времени, шли крошечные, едва заметные пики.

– Что это... – прошептал Максим, увеличивая масштаб.

Пики превратились в четкую последовательность. Длинный сигнал, пауза, два коротких. Снова длинный, пауза, два коротких.

Андрей похолодел.

– Это не шум, – сказал он. – Это... Что-то другое...

Глава 3

Виктор вернулся в свою каюту, которая больше походила на мастерскую, и захлопнул дверь. Вызов на ужин он проигнорировал, к пайку у двери даже не притронулся. В центре комнаты висела голограмма – увеличенный срез килевой балки. Идеальная решетка сплава была испещрена этой... рябью. Словно кто-то провел пальцем по поверхности застывающего металла.

Он снова и снова запускал симуляцию. Чтобы оставить такой след, требовался энергетический всплеск, сопоставимый с аннигиляцией. Но датчики радиации молчали. Ни всплеска, ни остаточного фона. Ничего.

Он представил себе разговор с Еленой. Придет к ней с этим. «Вот, смотри. ФАКТ». А она, скрестив руки на груди, спросит: «И что это значит, Виктор?». И он не сможет ответить. Она отправит его писать отчет. А ИСКРА внесет аномальную рябь в список задач для планового техосмотра через полгода.

Нет. Он не пойдет к ней. Не сейчас. Сначала ему нужны ответы, а не новые вопросы.

На мостике царила тишина, нарушаемая лишь мерным гулом систем жизнеобеспечения. Андрей передавал смену Максиму.

– Все штатно, – формально произнес он, вставая с кресла.

Максим сел на его место, но вместо того чтобы открыть бортовой журнал, вызвал на боковой экран сохраненную запись. Крошечные, едва заметные пики сигнала все так же отстукивали свой ритм: длинный, пауза, два коротких.

– Мы должны доложить, – прошептал Максим глухим голосом. – Это же не просто шум.

– И что мы скажем? – так же тихо ответил Андрей, не глядя на него. – Что мы в обход ИСКРЫ и командира запустили неавторизованную диагностику? Соколова с нас шкуру спустит. Пока мы не поймем, ЧТО это, молчим.

Максим помолчал, глядя на экран. Сигнал повторялся. Снова и снова.

– Хорошо, – наконец кивнул он. – Молчим. Но продолжаем копать.

Андрей кивнул и вышел с мостика, оставив Максима наедине с тайной.

В каюте Елены было безупречно. Ни одной лишней вещи, ни намек на личное. Даже фотографии на столе стояли строго по линейке – дочь на выпускном, родители на своем новом участке. Память, сохраненная в рамке.

На большом экране светилось лицо Дмитрия Климова. Он выглядел усталым, морщин вокруг глаз стало больше, чем она помнила. Связь шла с задержкой в сорок две минуты – они уже достаточно далеко от Земли, чтобы чувствовать это колоссальное расстояние в каждой паузе.

– Докладываю, – начала Елена ровным, отчеканенным го-

лосом, который она обрабатывала годами службы. – Миссия «Горизонт-7», двести шестнадцатые сутки полета. Командир Соколова, Елена Викторовна.

Она коснулась консоли, вызывая данные на второй экран. – Пространственная аномалия класса Б-7 пройдена в 14:47 по корабельному времени. Флуктуации гравитационного поля составили 0.3G на пике, продолжительность события – четыре минуты двенадцать секунд. Все системы корабля функционируют в штатном режиме. ИСКРА провела полную диагностику корпуса, силовой установки, систем жизнеобеспечения. Зафиксированы остаточные микродеформации в килевом узле, секторы К-12 через К-19, отклонение от нормы – 0.004 процента. В пределах конструкционного допуска. Рекомендация ИИ – наблюдение, плановая проверка через сто восемьдесят суток.

Елена сделала паузу, проглядывая следующий раздел отчета.

– Экипаж. Потерь нет. Медицинский статус – в пределах нормы. Врач Анна Сергеевна Королева провела экстренный психологический опрос после прохождения аномалии. Уровень стресса повышен у семи членов экипажа, что соответствует ожиданиям. Двое проходят дополнительную сессию с психологом. Рекомендовано усиление контроля сна и назначение легких седативов по необходимости.

Она листнула дальше.

– Расход ресурсов. Топливо – минус ноль целых две деся-

тых процента от планового из-за коррекции курса при входе в аномалию. Кислород, вода, продовольствие – по графику. Износ оборудования в пределах прогнозных значений. Никаких нештатных ситуаций.

Елена намеренно умолчала о «ряби» Виктора и его конфликте с ИСКРОЙ. Умолчала о том, что инженер просидел в машинном отсеке шесть часов подряд, игнорируя протоколы безопасности. Умолчала о странной напряженности, которую она чувствовала на мостике, когда заходила туда сегодня утром.

– Траектория и навигация, – продолжила она. – Корабль идет по расчетному маршруту. Отклонение – плюс ноль целых восемь сотых светового дня, что будет скорректировано в следующем окне маневра. Прогноз прибытия к Европе не изменился – через семь дней, плюс-минус четверо суток в зависимости от гравитационного маневра у Юпитера.

Климов слушал молча, его взгляд был непроницаем. Елена знала этот взгляд. Он оценивал не только цифры, но и ее саму. Ее уверенность, ее контроль над ситуацией.

Сорок две минуты тишины. Елена ждала, глядя на застывший кадр с его лицом. В такие моменты особенно остро чувствовалась пропасть между кораблем и Землёй.

Наконец экран ожил.

– А как наш... специалист? – спросил Климов, сделав едва заметное ударение на последнем слове. – Стельмахов не создает проблем?

Елена напряглась. Этот вопрос был не в стандартном протоколе докладов.

– Инженер Стельмахов выполняет свои обязанности, – ответила она ровно. – Методы работы неортодоксальны, но он добивается результата. ИСКРА фиксирует отклонения от регламента, но в критических ситуациях его решения оказываются эффективнее стандартных процедур.

Она помолчала, выбирая слова.

– Если говорить откровенно, Дмитрий Сергеевич, Виктор – сложный человек. Он не умеет работать в команде, игнорирует субординацию, спорит с ИИ. Но когда аномалия начала рвать килевую балку, именно он понял, что делать. Не ИСКРА с ее петафлопсами вычислений. Он.

Еще долгие минуты томительной тишины. Елена смотрела в окно, где медленно проплывали далекие звезды.

Климов вернулся на экран.

– Вот и хорошо, – кивнул он. Лицо его оставалось каменным, но в голосе слышалось что-то еще. Напряжение? Беспокорство? – Я подобрал его не случайно. Миссия слишком важна, чтобы позволить себе нештатные ситуации. У нас есть только один шанс. Если «Горизонт-7» не дойдет до Европы, следующую экспедицию запустят лет через двадцать. Может, и не запустят вовсе. Так что держи его на контроле, но дай работать. Даже если он выносит тебе мозг. Понятно?

– Понятно, – кивнула Елена.

– И еще, – добавил Климов, впервые за весь разговор по-

казав что-то похожее на человеческое. – Береги себя. Машу я проведу на следующей неделе, передам привет. Конец связи.

Экран погас. Елена осталась одна в тишине своей безупречной каюты. Она села на край койки, положила ладони на колени. Пальцы слегка дрожали. Она сжала их в кулаки, досчитала до десяти, разжала. Дыхательная техника, которой ее учили в академии.

Потом встала и подошла к панорамному окну. Корабль плыл сквозь пустоту – огромный, сложный механизм длиной в триста метров, полный людей. Сорок два человека, каждый из которых, как оказалось, хранил свои секреты. Она была их командиром. Она отвечала за каждого. А что, если она упускает что-то важное? Что, если за цифрами и идеальным порядком скрывается что-то, чего она не видит?

Елена покачала головой, отгоняя сомнения. Сомнения – роскошь, которую не может позволить себе командир. Есть миссия. Есть план. Есть график. И они дойдут до Европы. Обязательно дойдут.

Корабль продолжал жить своей размеренной жизнью. Жизнью, разбитой на вахты, смены, графики, регламенты. Жизнью, где каждый час расписан, каждое действие имеет строгую процедуру, каждое отклонение фиксируется в журнале.

В столовой за одним из столиков сидел геолог, седой мужчина с усталыми глазами и руками, исцарапанными годами

работы в экспедициях. Напротив него – юная стажерка, двадцать три года, первый полет, глаза еще горели восторгом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.